

Эмиль Золя

30.086

БАЗЕЙЛЬ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 40
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1942

45

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

БАЗЕЙЛЬ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА „РАЗГРОМ“

Издательство „Правда“
Москва — 1942

2

Отв. редактор—Е. ПЕТРОВ

Издательство „Правда“

Изд. № 181

A61445

Зак. тип. 1490

Тираж 150 000 экз.

Статформат А—105—148 мм

1¹/₈ п. л.

Кол. зн. в 1 п. л. 36 000

Цена—20 коп.

Подписано к печати 4/VIII 1942 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Оущевская, 21.

По Баланской дороге Генриетта сперва могла идти быстрым шагом. Было не более девяти часов утра. Широкое шоссе, окаймленное домами и садами, оставалось еще свободным, хотя по мере приближения к городу все более загромождалось толпами беженцев и движением французских войск. При каждом новом потоке людей Генриетта жалась к стенам и все-таки продвигалась вперед шаг за шагом. И тоненькая, незаметная в своем темном платье, в черной кружевной косынке, наполовину скрывавшей ее прекрасные белокурые волосы и бледное личико, она не останавливала на себе взглядов; ничто не замедляло ее легкого, неслышного шага.

Но в самом Балане дорогу ей преградил полк морской пехоты. Плотная масса солдат, скрытых сенью высоких деревьев, ожидала приказа. Генриетта приподнялась на носках, но конца толпы не было видно. Все же она попыталась еще более сжаться, чтобы протиснуться вперед. Ее отталкивали локтями, она чувствовала, как ружейные приклады упираются ей в бока. Через двадцать шагов раздались крики и выражения не-

удовольствия. Какой-то капитан повернул к ней голову и вспыхнул:

— Эй вы, с ума вы сошли, что ли? Куда вы идете?..

— Я иду в Базейль.

— Как в Базейль?

Грянул дружный хохот. Солдаты указывали на нее, острили; капитан, развеселившись, заговорил опять:

— В Базейль, моя крошка? Так возьмите и нас с собою... Мы только что там были, и надеюсь, что мы туда вернемся, но предупреждаю вас, там не очень-то прохладно.

— Я иду туда к мужу, — объяснила Генриетта кротко; ее голубые глаза сохраняли спокойную решимость.

Смех прекратился; старый сержант вывел ее из тесноты, заставил повернуть обратно.

— Мое бедное дитя, вы видите, что вам невозможно пройти.. Это — не женское дело — идти в Базейль в такое время. Своего мужа вы найдете повже. Будьте же благоразумны!

Ей пришлось уступить; она остановилась, ежеминутно приподнимаясь на носках, глядя вдаль, в упрямой решимости продолжать свой путь. В том, что говорилось вокруг нее, она черпала необходимые сведения. Офицеры горько жаловались на приказ покинуть Базейль, полученный в четверть девятого, когда генерал Дюкро, приняв

командование от маршала Мак-Магона, решил сосредоточить все войска на плоскогорье Илли. Хуже всего было то, что 1й корпус, отступив слишком рано и предоставив долину Живонны немцам, дал врагу возможность окружить левый фланг 12-го корпуса, уже сильно атакованного с фронта. Теперь же генерал Вимпфен, сменив Дюкро, вернулся к прежнему плану и дал приказ во что бы то ни стало снова занять Базейль с целью отбросить немцев к Маасу. Ну, не глупо ли было оставлять позицию, чтобы снова отбивать ее у врага? Каждый согласен биться до последней капли крови, но не для чьей-то забавы, нет!

Вдруг задвигались и люди и лошади: появился генерал Вимпфен. Приподнявшись на стременах, с пылающим лицом, он кричал иступленным голосом:

— Друзья, мы не можем отступать, это будет гибель!.. А придется отступить — мы пойдем к Кариньяну, а не к Мезьеру... Но мы победим! Вы победили их сегодня утром и побьете еще!

Он поскакал галопом, удаляясь по дороге, поднимавшейся к Монселю. Говорили, будто только что в буйном споре генерал Дюкро отстаивал свой план, нападая на план Вимпфена; один утверждал, что с утра отступление к Мезьеру было уже невозможно, другой предсказывал, что еще до наступления вечера армия будет окру-

жепа, если не отойти на плоскогорье Илли. И оба генерала взаимно обвиняли друг друга в незнании местности и фактического расположения войск. Хуже всего было то, что оба они были правы.

Уже несколько мгновений Генриетта была отвлечена от неудержимого стремления вперед. На краю дороги она увидела знакомую семью из Базейля — бедных ткачей: мужа, жену, трех дочерей; старшей едва минуло девять лет. Они были до того подавлены усталостью и отчаянием, что, не в силах идти дальше, присели у сграды.

— Ах, милая барыня, — повторяла женщина Генриетте, — теперь у нас ничего не осталось... Вы же помните наш домишко на Церковной площади. Он загорелся от упавшей гранаты. Не знаю, как мы с детьми уцелели.

Все три девочки при этом воспоминании громко зарыдали, а мать с безумными жестами принялась описывать подробности их бедствия:

— Я видела, как наш ткацкий станок горел словно вязанка хвороста... Кровать, мебель вспыхнули быстрее пучка соломы; а часы, часы, которые я так и не успела унести с собою!

— Ах, черт возьми! — ругался муж с глазами, полными слез. — Что с нами теперь будет?

Генриетта, чтобы успокоить их, сказала просто, но слегка дрожащим голосом:

— Вы же оба вместе, живы и невредимы, и с вами ваши девочки. Что же вы жалуетесь?

Потом она стала их расспрашивать, стараясь узнать, что происходит в Базейле. Видели ли они ее мужа и что было с ее домом, когда они уходили? Но дрожа от страха, они отвечали противоречиво. Нет, г-на Вейса они не видели. Однако одна из девочек закричала, что она его видела: он лежал на тротуаре, с большой дырой в голове; отец заставил ее замолчать здоровым шлепком, говоря, что она, конечно, врет. Что же касается дома Вейсов, то он был цел, когда они бежали. Они даже заметили, что дверь и окна тщательно заперты, точно в доме не было ни души. Впрочем, в то время немцы занимали только Церковную площадь, и им предстояло брать деревню улицу за улицей, дом за домом. Теперь уже, наверное, все в их руках, и сейчас Базейль, должно быть, пылает со всех сторон. Несчастные продолжали толковать об этом с испуганными жестами, как бы что-то ощупывая, пытаясь забыть ужасное видение — пылающие крыши, потоки крови, мертвых, устилавших землю.

— Ну, а мой муж? — повторила Генриетта.

Но они не отвечали и рыдали, закрыв лицо руками. И она осталась в жестокой тревоге, но не упала духом, только губы ее слегка дрожали. Чему она должна была верить? Она могла убеж-

дать себя, что ребенок ошибся, но ей уже представлялся муж, лежащий поперек улицы с простреленной головою. Потом ее беспокоил этот дом, плотно закрытый. Почему? Значит, Вейса там уже нет? Уверенность в том, что он убит, внезапно сковала ей сердце. Но, быть может, он был только ранен. И потребность пойти туда, быть там охватила ее опять с такой неодолимой силой, что она вновь попыталась бы проложить себе дорогу, если б в эту минуту не прозвучал сигнал двинуться вперед.

Многие из находившихся здесь молодых солдат прибыли из Тулона, Рошфора или Бреста, едва обученные и не бывавшие еще в огне, но с самого утра они сражались с отвагой и стойкостью ветеранов. Непривычные к походам, тащившиеся от Реймса до Музона с таким трудом, они вдруг выказали себя как самые дисциплинированные воины, связанные между собою братскими узами долга и самоотречения перед лицом врага. Стоило горнистам затрубить — и они возвращались в огонь и бросались в атаку несмотря на душивший их гнев. Три раза им обещали прислать дивизию для подкрепления, но она не приходила. Они чувствовали себя обреченными. От этих молодых солдат требовали, чтоб они пожертвовали своими жизнями, возвращая их опять к Базейлю, после того как только что велели оставить его. И они знали это и сражались без

ропота, смыкая ряды, уходя из-под прикрытия деревьев, чтобы вернуться под град снарядов и пуль.

Генриетта вздохнула с глубоким облегчением. Наконец-то они двинулись! Она шла за ними, надеясь дойти с ними до Базейля, готовая бежать, если они побегут. Снова они остановились. Теперь снаряды так и сыпались. Чтобы вторично занять Базейль, нужно было завоевать каждый метр пути, захватить переулки, дома, сады — направо и налево. Первые ряды открыли огонь. Полк подвигался только рывками, малейшее препятствие заставляло терять долгие минуты. Нет, она никогда не доберется, если останется в хвосте, ожидая победы! И Генриетта решилась: бросилась направо меж двух плетней по тропинке, спускавшейся к лугам.

План Генриетты заключался в том, чтобы достичь Базейля по обширным лугам, тянувшимся вдоль берега Мааса. Впрочем, она не отдавала себе отчета в своих намерениях. Неожиданно Генриетте пришлось остановиться у берега неподвижного маленького моря, заградившего ей путь с этой стороны. Это были затопленные саперами низины — водяная преграда, о которой она забыла. Мгновение она колебалась; потом, рискуя потерять башмаки, стала пробираться вдоль берега, по влажной траве: ноги ее при каждом шаге уходили по щиколотку в мокрую землю. Так

прошла она сто метров. Затем Генриетта на-
ткнулась на каменную ограду сада; тут почва по-
нижалась, вода глубиной до двух метров залива-
ла стену. Пройти было немислимо. Она сжала
кулаки, она напрягла все силы, чтобы не рас-
плакаться. Однако, быстро взяв себя в руки, она
стала пробираться вдоль ограды и нашла пере-
улок, пролежавший между разбросанными дома-
ми. Теперь она считала себя спасенной, потому
что ей был знаком этот лабиринт пересекавших-
ся дорожек, которые все вели к деревне.

Но здесь уже падали бомбы. Генриетта остано-
вилась, страшно бледная, оглушенная ужасным
взрывом; воздушная волна покачнула ее. Один
снаряд разорвался перед нею всего в нескольких
метрах. Она повернула голову, внимательно ос-
мотрела высокий берег, откуда поднимались об-
лачка дыма с немецких батарей; поняв все, она
пошла вперед, не спуская глаз с горизонта и
следя за полетом гранат, чтобы вовремя укло-
ниться от них. Охваченная безумной отвагой, пу-
стилась она в этот путь, со всем хладнокровием
и мужественным спокойствием, которыми было
полно сердце этой доброй хозяйки. Она не хо-
тела быть убитой, она должна была найти своего
мужа, увести его с собою, снова счастливо жить
с ним вместе. Снаряды падали беспрерывно; она
пробиралась вдоль стен, припадала к земле за
межевыми столбами, пользовалась малейшим

прикрытием. Вдруг перед ней открылось незащищенное пространство, часть взрытой дороги, усеянной осколками. И она остановилась за углом сарая, когда неожиданно заметила перед собою выглядывавшую из какой-то ямы голову ребенка. Это был мальчуган лет десяти, босоногий, в одной рубашке и рваных штанишках, — бездомный бродяжка, забавляющийся битвой. Его узкие черные глаза сверкали, и он вскрикивал от радости при каждом новом выстреле:

— О, какие они смешные.... Стойте смирно, вон еще одна несется!.. Бум! Как она затрещала! Стойте смирно! Стойте смирно!

И когда новый снаряд свистел над ними, он нырял в яму и опять выскакивал, поднимая свою голову насмешливой птицы, чтобы снова нырнуть.

Тут Генриетта заметила, что снаряды летят из Лира, тогда как батареи Пон-Мож и Нуайе обстреливают теперь только Балан. Она ясно видела при каждом выстреле дымок; почти тотчас слышался свист, а затем взрыв. Повидимому, наступил короткий перерыв; легкий дым медленно рассеивался.

— Ясно, они выпивают по маленькой! — крикнул малыш. — Живо, давайте мне руку! Мы удерем отсюда.

Он схватил Генриетту за руку, увлекая ее за собою; они побежали рядом, пригибаясь к земле,

пересекая таким образом открытое пространство. Добежав до края, они бросились на землю за стогом сена и, оглянувшись, увидели новый снаряд, падающий на сарай, прямо на то место, где они только что укрывались. Треск был ужасающий, сарай рухнул. Внезапно мальчишка, которому это показалось забавным, заплясал в безумном восторге:

— Вот так удар!.. А? Убрались мы вовремя!

Вскоре Генриетта снова наткнулась на неодолимое препятствие — садовую ограду, которую никак нельзя было обойти. Ее маленький спутник попрежнему смеялся, говорил, что везде можно пройти, стоит хорошенько захотеть. Он вскарабкался на верхушку ограды и помог Генриетте сделать то же. Одним прыжком они очутились в огороде, среди грядок бобов и гороха. Чтобы выбраться, им пришлось пройти через хижину садовника. Посвистывая, болтая руками, мальчишка шел впереди, ничему не удивляясь. Он толкнул дверь, очутился в комнате, потом прошел в другую, где находилась старуха, — без сомнения, единственное живое существо, оставшееся тут. Остывшая, она стояла у стола. Она оглядела двоих чужих людей, проходящих по ее дому, но не сказала ни слова, и они тоже не заговорили с нею. Выйдя, они очутились в переулочке, прошли по нему несколько шагов. Затем представились новые препятствия, и на расстоянии целого ки-

лометра, чтобы сократить путь, только и приходилось перескакивать через заборы, перелезать через изгороди, проходить через ворота сараев, влезать в окна домов, пользуясь каждой случайностью для того, чтоб продвигаться вперед. Собаки рычали на них, их чуть не сбила с ног, сорвавшись с привязи, корова. Но, повидимому, они уже приближались к цели: они чуяли запах гари, видели густой рыжеватый дым; легкие дымки разрывов то и дело застилали солнце.

Вдруг мальчишка остановился, загородил Генриетте дорогу:

— А скажите, барыня, куда же вы идете?

— Да ведь ты видишь: я иду в Базейль!

Он свистнул, разразился резким смехом бездельника, убежавшего из школы и затевающего какую-нибудь шалость:

— В Базейль?.. Ну нет, меня туда не заманишь! Я пойду в другое место.. Честь имею кланяться!

Он повернулся на каблуках и исчез, как появился. Так она и не узнала, откуда он взялся, куда он шел. Она неожиданно увидела его в яме и сейчас вот потеряла из виду за углом ограды; и никогда больше не встретилась с ним.

Оставшись одна, Генриетта вдруг почувствовала страх. Этот хилый ребенок не был ей защитой, но его болтовня заставила ее забытья. Те-

перь она дрожала, такая храбрая от природы. Бомбы уже не падали; немцы больше не обстреливали Базейль, вероятно из боязни попасть в своих, уже овладевших деревней. Но уже несколько минут она слышала свист пуль, похожий на жужжание крупных мух. Издали же доносилось такое смешение яростных звуков, что она не различала даже ружейной пальбы среди бешеных воплей. Когда она повернула за угол дома, над самым ее ухом раздался какой-то глухой звук, на землю посыпалась известка, заставив ее остановиться: пуля отбила угол фасада здания; Генриетта побледнела. Затем, прежде чем она решила, хватит ли у нее мужества продолжать путь, ее ударило как молотом по лбу, и она упала на колени, оглушенная ударом. Другая пуля, отскочившая рикошетом, задела ее лицо и оставила глубокую царапину над левой бровью. Когда она дотронулась руками до лба, то запачкала их кровью. Но вместе с тем она ощутила, что голова ее невредима, и произнесла громко, чтобы придать себе бодрости:

— Это ничего, ничего... я не испугалась! Нет! Я не боюсь!

В самом деле, она поднялась и с этой минуты шла под пулями беззаботно, как существо, которое отрешилось от себя, которое не рассуждает больше, не дорожит своей жизнью. Она даже не старалась укрываться от опасности, шагая прямо,

с высоко поднятой головой и ускоряла шаг лишь для того, чтобы быстрее придти к цели. Снаряды разрывались вокруг нее; двадцать раз она рисковала быть убитой, даже не сознавая этого. Легкой, торопливой походкой, упрямая и тихая, шла она вперед, тоненькая и гибкая. И казалось, что это упорство помогало ей миновать всякую опасность. Наконец она добралась до Базейля, прошла напрямик засеянным люцерной полем, чтобы выйти на проезжую дорогу — широкую улицу, пересекавшую деревню. На самом повороте она увидела — направо, в двухстах шагах, — горит их дом; пламя было почти незаметно при ярком солнце; но крыша дома наполовину провалилась, из окон валили клубы черного дыма. Словно вихрь подхватил ее. Она побежала, не переводя дух.

Вейс с восьми часов утра заперся в своем жилище, отрезанный от отступавших войск. Возвращение в Седан стало невозможным, потому что немцы, просочившись через парк Монтивилье, отрезали путь к отступлению. Один, с ружьем и оставшимися патронами, Вейс вдруг увидел у своих дверей около десятка солдат, так же как и он, случайно отбившихся и потерявших своих товарищей, ищущих глазами дома, укрытия, чтобы по крайней мере дорого продать свою жизнь. Живо он спустился вниз и впустил их в дом; теперь в доме был целый маленький гарнизон:

капитан, капрал, восемь рядовых — все отбившиеся от своих, все решившие не сдаваться.

— Как, Лоран, и вы здесь? — воскликнул Вейс, с удивлением заметив среди солдат высокого, худощавого парня, державшего в руках ружье, взятое, должно быть, у одного из убитых солдат.

Лоран, малый лет тридцати, в синей холщевой куртке и панталонах, служил по соседству батраком у садовника; недавно он похоронил мать и жену, умерших от злокачественной лихорадки.

— А почему же мне и не быть здесь? — ответил он. — У меня ничего нет, кроме собственной шкуры, и мне не жаль расстаться с ней... К тому же, знаете, меня это забавляет, потому что я стреляю неплохо, и будет занятно каждым выстрелом уничтожать по одному из этих мерзавцев.

Тем временем капитан с капралом осматривали дом. В нижнем этаже нечего было делать, там только придвинули тяжелую мебель к двери и окнам, чтобы получше забаррикадировать их. Затем организовали защиту в трех маленьких комнатах второго этажа и на чердаке; одобрили то, что успел до них сделать Вейс: он загородил матрадами и расщотчатыми ставнями бойницы, воезде продаваемые в деревянных пластинках. Когда капитан рискнул высунуться из окна, чтобы посмотреть, что делается кругом, до его слуха долетели крики и плач ребенка.

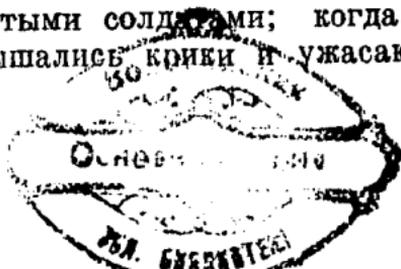
— Что это? — спросил он.

Тут Вейсу вспомнился лежавший в соседней красильне маленький больной Огюст с багровым от жара лицом, резко выделявшимся среди белых простынь; он просил воды и звал мать, которая не могла ему больше ответить, распростертая на каменном полу с разможенной головой. При этом воспоминании он со скорбным жестом ответил:

— Это плачет рядом несчастный крошка: его мать убило снарядом.

— Чорт подери! — прошептал Лоран. — Их надо заставить заплатить за все это.

В фасад дома ударялись пока еще только случайные пули. Вейс с капитаном, в сопровождении батрака и двух солдат забрались на чердак, откуда им удобнее было наблюдать за дорогой. С чердака ее можно было обозреть до церковной площади. Площадь была теперь в руках немцев; однако они попрежнему подвигались вперед с большим трудом, с крайней осторожностью. На углу переулка горсть пехотинцев держала их еще с четверть часа под таким страшным огнем, что неприятельские трупы нагромождались грудой. Потом, на другом перекрестке, им пришлось взять приступом дом, прежде чем продвинуться дальше. Изредка в густом дыму можно было различить женщину с ружьем, стрелявшую из окна. Это был дом булочника; его защищали обитатели, смешавшиеся с забытыми солдатами; когда же дом был взят, послышались крики и ужасающая

свалка докатилась до наружной стены потоком, в котором мелькали то женская юбка, то куртка мужчины, то вставшие дыбом седые волосы. Затем загрохотал ружейный залп — и кровь брызнула выше каменной ограды. Немцы были немолимы и немедленно расстреливали всех не солдат, захваченных с оружием в руках, как разрушителей военного права. Ожесточенная защита деревни привела их в ярость, а ужасающие потери, понесенные ими за последние пять часов, заставляли немцев прибегать к бесчеловечным мерам. Ручьи были красны от крови, трупы загромождали улицу; некоторые перекрестки казались страшными свалками, откуда еще слышалось предсмертное хрипение. Взяв с бою какой-нибудь дом, немцы подбрасывали в него зажженную солому, другие бегали с факелами, третьи поливали стены керосином. И вскоре все улицы были в огне; Базейль пылал.

Между тем посреди деревни остался только домик Вейса с закрытыми ставнями; он казался грозной цитаделью, решившей не сдаваться.

— Внимание! Вот они! — воскликнул капитан.

Залп, грянувший с чердака и второго этажа, уложил на месте трех немцев, пробиравшихся вдоль стен. Другие отступили, притаившись за углами. Началась осада дома. Пули ливнем, ураганом града секли фасад. Около десяти минут пальба не прекращалась, пули пробивали штука-

турку, не причиняя большого вреда. Но один из солдат, взятый капитаном на чердак, имел неосторожность высунуться из слухового окна и был убит наповал пулей в лоб.

— Проклятие, одним меньше! — выругался капитан. — Будьте осторожны: нас слишком мало, чтобы давать себя убивать попусту.

Сам он взял ружье и стрелял под прикрытием ставни; но особенный восторг вызвал в нем Лоран — батрак садовника. На коленях, вложив дуло своего ружья в узкое отверстие бойницы, Лоран стрелял только наверняка и даже заранее предсказывал результат своего выстрела:

— Голубому офицеру — прямо в сердце.. другому, что подальше, костлявому верзиле, — между глаз.. толстяку с рыжей бородой, который мне надоел, — в пузо!

И каждый раз человек падал, пораженный в заранее назначенное место. А Лоран продолжал стрелять спокойно, не спеша, с деловым видом, уверяя, что ему надо только время, чтобы перебить таким манером всех, одного за другим.

— Ах, если бы у меня были хорошие глаза! — в бешенстве повторял Вейс.

Он сломал свои очки и был в отчаянии. Теперь у него оставалось только пенсне, но оно не могло крепко держаться на носу от пота, лившего по лицу. Часто он стрелял наудачу, в лихорадочном нетерпении, трясущимися руками; все ра-

стущее бешенство, боевая страсть лишили его обычного спокойствия.

— Да не спешите, это ни к чему! — говорил ему Лоран. — Пойдите, прицельтесь хорошенько вон в того, который потерял свою каску и стоит на углу, у мелочной лавочки... Вот и отлично! Вы перебили ему лапу, и он прыгает теперь в луже собственной крови.

Вейс, немного бледный, смотрел на раненого.

— Прикончите его, — прошептал он.

— Истратить лишний заряд? Вот еще выдумали! Лучше уколошить другого.

Осаждавшие, вероятно, заметили, что меткие выстрелы следуют один за другим из слуховых окон чердака. Никто из них не мог податься вперед безнаказанно. Они ввели в неравный этот бой свежие войска, приказав расстреливать крышу. С этой минуты на чердаке нельзя было больше держаться. Черепицы пронизывались легко, словно тонкие листики бумаги; пули проникали со всех сторон, жужжа точно пчелы. Каждую секунду грозила неминуемая смерть.

— Сойдем вниз, — сказал капитан, — во втором этаже можно еще держаться.

Но когда он направлялся к лестнице, пуля ударила его в пах и опрокинула навзничь.

— Слишком поздно, чорт побери!

Вейс и Лоран с помощью оставшегося в живых солдата непременно хотели снести его вниз, хотя

он кричал им, чтобы они не теряли понапрасну времени, возясь с ним: он больше не встанет, и ему все равно, где околевать: вверху или внизу. Но когда его положили на кровать во втором этаже, он хотел продолжать руководить обороной.

— Стреляйте в упор и не заботьтесь об остальном; пока ваш огонь не ослабеет, они не осмелятся подойти.

В самом деле, осада маленького домика все еще продолжалась; двадцать раз казалось, что его снесет ураган свинца; но в шевале огня, в дыму выстрелов, он все стоял, насквозь пробитый, расплывчатый и все же извергавший пули из всех своих окон. Осаждавшие, взбешенные тем, что они теряют столько времени и людей перед таким жалким подобием крепости, выли, стреляли издали, не решаясь броситься вперед, чтобы выломать двери и нижние окна.

— Берегись! — крикнул капрал. — Вон падает ставня!

Напором пуль сорвало ставню с крючков; но Вейс бросился вперед и задвинул окно шкафом, и Лоран, спрятавшись за ним, мог продолжать стрельбу. Один солдат лежал у его ног с раздробленной челюстью, истекая кровью. У другого было прострелено горло; он докатился до стены, непрерывно хрипя, конвульсивно вздрагивая всем телом. Их осталось только восемь человек, не считая капитана; слишком слабый, чтобы гово-

рить, он прислонился к спинке кровати и отдавал приказания жестами. Теперь уже не только на чердаке, но и в трех комнатах нижнего этажа нельзя было больше держаться, потому что истрепанные тюфяки не задерживали больше снарядов: осколки извести отскакивали от стен и потолка, мебель разлеталась в щепки, шкаф все уменьшался, словно под ударами топора. Но хуже всего было то, что кончались патроны.

— Какая жалость! — ворчал Лоран. — Как у нас отлично шло дело!

Тут Вейса осенила внезапная мысль:

— Пойдите!

Он вспомнил про убитого солдата на чердаке. И он поднялся наверх, обшарил мертвеца, чтобы взять оставшиеся у него патроны. Часть крыши провалилась; он увидел над собою голубое небо, веселое, солнечное небо, изумившее его. Чтобы не быть убитым, Вейс полз на коленях. Потом, захватив штук тридцать патронов, он бегом спустился.

Но внизу, когда он с Лораном делил найденный запас, один из солдат вскрикнул и упал навзничь. Теперь их осталось уже семеро, а почти тотчас шестеро: пуля, угодившая капралу в левый глаз, разможила ему голову.

С этого момента Вейс ничего больше не сознавал. Он и пятеро остальных продолжали стрелять как безумные, расходуя последние патроны и даже не

задумываясь о том, что можно было сдать. В трех маленьких комнатках весь пол был усеян обломками мебели. Трупы загромождали двери, раненый в углу стонал ужасно и безостановочно. Кровь повсюду липла к подошвам. Красная струйка стекала по ступеням лестницы. Трудно было дышать: в тяжелом воздухе плыли клубы порохового дыма и едкой пыли; кругом словно стояла ночь, которую прорезали вспышки выстрелов.

— Проклятие! — воскликнул Вейс. — Они тащат пушку!

Это была правда. Отчаявшись сломить горстку безумцев, которые так задерживали их на одном месте, немцы принялись устанавливать на углу Церковной площади пушку. Может быть, им удастся наконец двинуться вперед, когда они разрушат дом ядрами. Эта высокая честь, им оказанная, эта артиллерия, направленная против них, окончательно привела в бешеную веселость осажденных. Полные презрения, они издевались над неприятелем. Ах, подлые трусы, еще пушку притащили! Лоран, попрежнему стоя на коленях, старательно прицеливался в артиллеристов, поражая каждым выстрелом намеченную цель. Прошло пять или шесть минут, пока дали первый выстрел. Впрочем, он был направлен слишком высоко и снес только часть крыши.

Но конец близился. Осажденные напрасно обшаривали мертвецов: не оставалось ни единого

патрона. Измученные, с дико блуждающими глазами, эти шестеро человек бродили ощупью, отыскивая, что бы выбросить из окон на голову неприятелю. Один из них высунулся из окна, вопя и потрясая кулаками, но был немедленно пронзан целым градом пуль; осталось только пятеро. Что делать? Спуститься вниз, попытаться бежать через сад и луга? В эту минуту внизу возникла суматоха; разъяренная толпа хлынула на лестницу: то были немцы, которым удалось, обойдя дом, выломать заднюю дверь и проникнуть внутрь. Ужасная свалка поднялась тогда в трех маленьких комнатах, среди мертвых тел и обломков мебели. Одному из солдат пронзили штыком грудь; двое других были захвачены в плен, меж тем как капитан, только что испустивший последний вздох, остался с открытым ртом и еще приподнятой рукой, словно собираясь отдать приказание.

Немецкий офицер, белокурый толстяк, вооруженный револьвером, с налитыми кровью и точно готовыми выскочить из орбит глазами, заметил Вейса с Лораном — одного в пальто, другого в синей холщевой блузе. Он кинулся к ним, бранясь по-французски:

— Кто вы такие? Зачем вас сюда занесли?

Потом, увидев, что они черны от пороха, он цыпнул, в чем дело, и, заикаясь от ярости, осыпал их руганью на немецком языке. Он поднял уже револьвер, чтобы разmozжить им головы, когда сол-

даты, бывшие под его командой, кинулись вперед, схватили Вейса и Лорана и толкнули их на лестницу. Обоих понесло, поволокло человеческой волной, выбросившей их на улицу; они докатились до противоположной ограды под такие вопли, что не слышно было слов команды. Тут в продолжение двух или трех минут, пока толстый белокурый офицер старался отбить их у солдат, чтобы немедленно же расстрелять, они успели встать на ноги и осмотреться.

Другие дома загорались, Базейль превращался в пылающий костер. Снопы пламени начинали пробиваться из высоких окон церкви. Солдаты, выгонявшие какую-то старушку из ее дома, силой заставили ее дать им спичек, чтобы поджечь ее постель и занавеси. Огонь охватывал охапки соломы, бежал по ручьям разлитого керосина; это была уже война дикарей, приведенных в исступление продолжительностью борьбы, мстивших за своих мертвецов, за груды убитых, по которым им приходилось шагать. Шайки остервенелых людей были среди дыма и искр, среди ужасного шума, в котором сливались всевозможные звуки: стоны умирающих, треск выстрелов и грохот падающих зданий. С трудом можно было что-либо рассмотреть: громадные клубы багровой пыли вздымались, затемняя солнце, распространяя невыносимый запах сажи и крови. А немцы убивали, разрушали: необузданная дикость, бессмыс-

ленная ярость, беспощадное иступление человека, готового загрызть другого человека.

И Вейс увидел, наконец, свой пылающий дом. Солдаты сбежались с факелами в руках, другие раздували огонь, кидая в него обломки мебели. Быстро вспыхнул нижний этаж, дым повалил из всех щелей расстрелянного фасада и крыши. Уже загоралась соседняя с домиком красильня, и — ужасно! — оттуда все еще доносился голос маленького Огюста, лежавшего в своей постели, звавшего в лихорадочном бреду свою мать; а на трупе ее, распростертом поперек порога с раздробленной головой, уже загоралось платье.

— Мама, мама, я хочу пить!.. Мама, дай же мне воды!..

Пламя сильнее затрещало, голос умолк, слышалось только заглушенное «хох» победителей.

Но вдруг ужасный крик покрыл все другие вопли и шумы: то подбежавшая Генриетта увидела мужа, стоявшего у каменной ограды против ввоза немецких солдат, заряжавших ружья.

Она бросилась ему на шею:

— Боже мой, что это такое? Ведь не собираются же они в тебя стрелять?!

Вейс тупо смотрел на нее. Она!.. Его жена, которой он так долго жаждал обладать, которую обожал и боготворил! Вздвогнув, он очнулся от своего оцепенения, и стоял, вконец растерянный. Что же он наделал? Зачем остался, за-

чем стрелял, вместо того чтобы вернуться к Генриетте, как он ей обещал? Ослепленный, созерцал он свое погибшее счастье, насильственную разлуку навеки. Потом его поразила кровь на лбу у жены, и он машинально спросил заплетающимся языком:

— Разве ты ранена?.. Какое безумие — прийти сюда!..

Нетерпеливым жестом она прервала его:

— О, со мной ничего, пустая царапина, но ты! Зачем они тебя задержали? Я не хочу, чтобы тебя убили!

Офицер старался растолкать толпу, чтобы взвод солдат мог немного податься назад. Увидев женщину, обнявшую одного из пленных, он сердито крикнул по-французски:

— Ну, уж нет, оставьте эти глупости! Откуда вы явились? Что вам нужно?

— Отдайте мне моего мужа!

— Так этот человек — ваш муж?.. Он приговорен, правосудие должно совершиться.

— Отдайте мне моего мужа!

— Послушайте, образумьтесь!.. Отойдите в сторону, мы не хотим причинить вам вреда.

— Отдайте мне моего мужа!

Отказавшись от мысли убедить ее, офицер собирался уже отдать приказание вырвать эту женщину из объятий пленного, как вдруг Лоран,

молчавший до сих пор с бесстрастным видом, позволил себе вмешаться в спор:

— Послушайте, капитан, ведь это я перебил у вас столько народу. Ну и пусть меня расстреляют на доброе здоровье. Тем более что у меня нет ни матери, ни жены, ни детей; а ведь этот человек женат... Послушайте, отпустите его, а потом расправьтесь со мною.

Тогда взбешенный капитан заревел:

— Это еще что за новости? Вы, кажется, смеетесь надо мной! Ну-ка, кто возьмется оттащить прочь эту женщину?

Ему пришлось повторить свое приказание по-немецки. Один из солдат выступил вперед; это был коренастый немец с громадной головой; лицо его так густо заросло щетинистой бородой, что едва виднелись квадратный широкий нос и круглые глаза. Он был весь в крови и страшен, как пещерный медведь, как косматый зверь, обогранный кровью только что растерзанной добычи.

Генриетта все повторяла с раздражающим криком:

— Отдайте мне моего мужа! Убейте меня вместе с ним!

Но офицер колотил себя кулаком в грудь, уверяя, что он не палач и если бывают люди, убивающие невинных, то он не из их числа. Ведь она не приговорена, и он скорее отрубит себе руку, чем тронет волос на ее голове.

Пока рыжий немец подходил, обезумевшая Генриетта всем телом прижалась к мужу.

— О, мой друг, умоляю тебя, оставь меня тут, дай мне умереть с тобою..

Вейс плакал крупными слезами, не отвечая, он старался оторвать от своих плеч и поясницы сведенные судорогой пальцы несчастной.

— Значит, ты меня больше не любишь, если хочешь умереть без меня.. Не отпускай меня, это выведет их из терпения, и они убьют нас обоих.

Ему удалось оторвать одну из ее маленьких рук; он прижал ее к губам, покрыл поцелуями, стараясь в то же время оторвать другую.

— Нет, нет, не отталкивай меня.. Я хочу умереть!

Наконец, с большим трудом он овладел обеими ее руками. До сих пор он молчал, избегая говорить, но тут вымолвил только:

— Прощай, дорогая жена!

И сам толкнул ее к немцу, который тотчас оттащил ее прочь. Она отбивалась, кричала, а солдат, вероятно, желая успокоить ее, безостановочно болтал что-то непонятное охрипшим голосом. Сильным движением она высвободила голову и увидела все.

Это заняло каких-нибудь три секунды. У Вейса во время прощанья свалилось пенсне, и он торопливо вскинул его на нос, точно желая взглянуть прямо в лицо смерти. Он сделал шаг на-

зад, прислонился к каменной ограде, скрестив руки. Вдохновенное лицо этого кроткого отважного толстяка в разодранном пиджаке сияло изумительной красотой.

Стоявший рядом с ним Лоран засунул руки в карманы; он, повидимому, был возмущен жестокой сценой, зверством этих дикарей, убивавших мужей на глазах жен. Он выпрямился, взглянул прямо на врагов и презрительно бросил им, как плевок:

— Грязные свиньи!

Но офицер уже взмахнул саблей, и казенные рухнули безжизненной массой: Лоран — лицом вниз, а Вейс — на бок, вдоль ограды. Вейс, прежде чем испустить дух, конвульсивно затрепетал всем телом, веки вздрогнули, рот открылся. Подошедший офицер пошевелил его ногою, желая убедиться, что он действительно мертв.

Генриетта видела все: гаснущий взор, искавший ее, предсмертную судорогу, подбросившую тело, толстый сапог, толкнувший его. Она даже не вскрикнула, а только молча, яростно впилась зубами в руку какого-то солдата. Немец дико взвыл от боли, он повалил Генриетту на землю, замахнулся кулаком. Она навсегда запомнила эту рыжую бороду и волосы, забрызганные кровью, эти голубые глаза, расширенные, блуждающие от ярости.

Впоследствии Генриетта не могла хорошенько

вспомнить, что произошло дальше. У нее было только одно желание — вернуться к телу мужа, взять его, стеречь. Но, как бывает в бреду, препятствия одно за другим вырастали перед нею и останавливали ее на каждом шагу. Снова затрещала оживленная ружейная перестрелка; среди немецких войск, занимавших Базейль, произошло сильное движение. Морская пехота, наконец, прибыла на место действия, и битва разгорелась с такой силой, что молодая женщина была отброшена влево, в переулок, где попала в обезумевшую толпу обывателей. Впрочем, результат борьбы можно было предвидеть заранее: было поздно завоевывать вновь оставленные позиции. Еще в течение получаса пехота ожесточенно дралась, идя на верную смерть с беззаветной отвагой. Но неприятель непрерывно получал подкрепление; немцы валили отовсюду: с лугов, с дорог, из парка Монтивилье. Ничто не могло теперь вытеснить их из купленной такой дорогой ценою деревни, где среди потоков крови и пламени легло несколько тысяч немецких солдат. Дело разрушения приходило к концу: вся местность превратилась в одно громадное поле смерти, усеянное разрозненными человеческими членами и дымившимися развалинами; Базейль, удушенный, уничтоженный, обращался в пепел.

В последний раз Генриетта увидела издали свой домик, в котором проваливались полы среди

крутившихся вихрем языков пламени. И ей все мерещилось бездыханное тело мужа, упавшее вдоль ограды. Но вот новая волна подхватила ее: горнисты заиграли отбой, она была унесена, сама не зная как, в суতোлке и давке отступавших войск. Теперь она стала вещью, обломком, который носится по волнам; она была подхвачена и увлечена движением толпы, хлынувшей на большую дорогу. Генриетта пришла в себя в Баламе, у каких-то незнакомых людей; она рыдала в чужой кухне, уронив голову на стол.

56

№. 53 Г.

Цена 20 коп.

22